

18+

ЧЕРНАЯ ЕЛЬ

КУПАЛЬСКАЯ НОЧЬ

КНИГА ВТОРАЯ

Алёна Зорина

Алёна Зорина

Черная ель. Купальская ночь

<https://litres.ru/74428544>

ISBN 9785007114745

Аннотация

Весна. Сосновка оживает: дым над крышами, петух по утрам, подруга из Москвы — с просекко и неверием. Ольга Морозова начинает оттаивать: козочка Милка, вечера на крыльце, лесник Иван, который чинит забор так, будто ухаживает. В самую короткую ночь года грань тонка, как береста. К Чёрной Ели придут все разом — всё, что целый год давило на границу. Ольга встретит Купалу на своём посту: с ножом, с солью, со своей кровью. И не веря даже тому, кого любит, — Навь умеет надевать любые лица.

Содержание

Глава 1. Голые зеркала	5
Глава 2. Милка	14
Дневник Прохора. Год 1922. Межа	21
Глава 3. Гости	23
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Чёрная ель. Купальская ночь

Алёна Зорина

© Алёна Зорина, 2026

ISBN 978-5-0071-1474-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Голые зеркала

Май. После долгой и болезненной зимы всё вокруг начало оживать. Снега почти не осталось. Вокруг щебетали птицы, и воздух был тёплым и приятным. Ольга босиком вышла на крыльцо с чашкой чая. Ей всё больше хотелось проводить времени на улице. Наблюдать, как соседи занимаются своими делами — уборкой, огородом, — и в каждом движении была жизнь. Сосновка изменилась.

Ольга видела это каждый день и каждый день не могла до конца поверить. За ту страшную зиму, за ночь у Чёрной Ели, когда она вбила свою кровь в печать, деревня словно начала оттаивать изнутри. Весной приехали Петровы — их дом стоял заколоченный ещё с девяностых, а теперь по вечерам в окнах горел свет: приехали на лето, с детьми, шумные, городские. В избе через три дома завелись жильцы. По утрам где-то кричал петух, визжала циркулярка, бабы перекликались через огороды. Деревня оживала, как оживает тело, к которому вернулась кровь.

И Ольга старалась не думать о том, что эта кровь — её.

Дощечки крыльца, прогретые первым настоящим солнцем, пахли смолой и прошлогодней пылью. Через дорогу

баба Люба выбивала половик, и серые клубы пыли оседали на её выцветший платок. Дед Василий вбивал у забора слегу и ругался сквозь зубы, себе под нос. Кот его, рыжий, с рваным ухом, щурился на солнце со столба, как маленький языческий божок. Обычная громкая деревенская, настоящая жизнь.

Чай в ладонях остывал медленно, нехотя, словно ему тоже не хотелось уходить в этот день.

А потом Ольга вернулась в дом.

Внутри, после солнца, было темно, как в зрачке. Простыни всё ещё висели: на большом зеркале в резной раме, на маленьком у комода, на мутном осколке у входа. Всю зиму висели. С той самой ночи, когда стекло показало ей двойника с пастью щуки, Ольга не подходила к ним ближе чем на шаг. Зеркала в этом доме были не стеклом. Они были дверями. Просто дверями, у которых выбили засовы.

Пора.

Она поставила чашку на подоконник, подошла к большому зеркалу и взялась за угол простыни — старой, в жёлтых разводах, пахнущей пылью и мышиным жильём. Дёрнула вниз. Ткань сползла с сухим шелестом, легла у ног мятой

кучей.

Зеркало блеснуло мутью, отстоялось, и из глубины его на Ольгу посмотрела она сама. Худая. Волосы распущены по плечам. Под глазами тёмные круги. Но зрачки живые. Смотрят прямо.

— Ну, здравствуй, — сказала Ольга.

Баюн вошёл неслышно, как умеют входить только коты. Сел посреди комнаты. Огромный, рыжий, с тёмными полосами вдоль хребта. Глянул на стекло. Хвост дёрнулся. Кот недовольно фыркнул.

— Свои, — оборвала Ольга.

Баюн отвернулся, запрыгнул на диван, свернулся клубком. Но правое ухо оставил повёрнутым к раме. Ольга нагнулась за простыней — и боковым зрением поймала движение. Отражение в зеркале наклонилось чуть позже. На долю секунды. С отставанием.

Ольга застыла над полом.

Медленно подняла голову. В зеркале её лицо поднималось в тот же миг. Глаза в глаза. Всё ровно.

Показалось.

Она сдёрнула простыни с комода, с осколка у двери, со стеклянной дверцы шкафа. Сгребла в охапку, вынесла во двор, бросила в таз для стирки. Солнце резало глаза. Визжала на краю села циркулярка, баба Люба звала кур. В воздухе пахло талой землёй и навозом. Живое. Кругом всё было живое.

И только левую ладонь, там, где был старый шрам, вдруг ожгло холодом — тонко, иглой, изнутри. Ольга сжала кулак. Кожа натянулась, побелела поперёк ладони, и три линии руны проступили под ней, как проступает рисунок на запотевшем стекле. Холод ушёл, но след остался — под кожей, в кости.

Она глянула за огород. Там, за межей, стоял лес. Березняк уже подёрнулся зелёным пухом, а глубже, за ольшаником, темнели лапы ельника. Неподвижные. Чужие. Лес молчал.

Ольга вернулась в дом, набрала в колодце ледяной воды и принялась мыть пол. Тряпка шлёпала по половицам, дом просыпался, отходил, пах мокрой древесиной и хозяйственным мылом. Но когда в углу у печи, возле заглушки подпола,

Ольга провела тряпкой по доскам — вода в ведре потемнела. Мгновенно. Будто туда плеснули болотной жижи.

Ольга замерла на корточках. Тряпка в руках была чистой. Пол — выскоблен. А в ведре крутилась чёрная муть, медленная, живая, похожая на разведённую в воде золу.

Она моргнула. Вода посветлела, стала обычной мыльной жижей.

Ольга выплеснула ведро под забор и долго смотрела на мокрую землю. Ключ от дома она повесила на шнурок и носила на шее, не снимая. Под полом было тихо. Там, в нише между кирпичами, стояла жестяная банка из-под чая, а в банке лежала кукла из мешковины, зашитая грубыми стежками. Кормить солью в новолуние. Если выйдет — роду конец. Так было написано почерком деда Прохора. Зима прошла, весна прошла, а банка стояла, и под полом было тихо.

К вечеру Ольга снова вышла на крыльцо. Села на ступеньку, подтянула колени к груди, обхватила их руками. Солнце садилось за огороды, розовое, тёплое; дым из печей стелился низом, по траве, и пахло этим дымом так, что хотелось дышать глубже.

Иван толкнул калитку и прошёл ко двору, не стучась, —

свой. На нём была застиранная фланелевая рубаша, сапоги в подсохшей грязи, на виске свежая ссадина.

— Это что у тебя там? — Ольга кивнула на висок.

— Ключ сорвался. Ерунда.

— Покажи.

— Оль. Сказал — ерунда. — Он сел рядом, на ступеньку ниже, и вытянул ноги. — Чай, что ли, у тебя есть?

— Есть. Холодный.

— Давай холодный.

Она сходила в дом, принесла кружку. Он пил шумно, большими глотками, и морщился — то ли от холода, то ли от удовольствия.

— Ты чего босая? — спросил он, не отрываясь от кружки.
— Земля ещё холодная.

— Уже тёплая. Дощечки нагрелись.

— Ну конечно, — сказал Иван. — Городские чуть солнце

— сразу разуваяются. А потом у них поясница и насморк.

Ольга фыркнула.

— Ты ночью спишь? — спросил он, допив.

— Сплю.

— Не ври. Круги под глазами с кулак.

— Это зимние, — сказала Ольга. — За лето отосплюсь.

— Это мы поправим, — сказал Иван так спокойно, будто речь шла о покосившейся изгороди. — Завтра жерди прине- су, забор у тебя сзади совсем лёг. И в четверг к Зине загля- ни, она обещала творог — деревенский, не твой городской. Отъешься.

— Принеси, — сказала Ольга. — Спасибо.

Иван посмотрел на неё сбоку.

— Тебе идёт, — сказал он.

— Что?

— Здесь. Тебе идёт здесь быть.

Ольга не нашлась, что ответить. Смотрела, как солнце садится за огороды, и чувствовала, как горит ухо, и надеялась, что в сумерках не видно.

Иван допил, поставил кружку, поднялся, отряхнул штаны.

— Пойду. Трактор завтра в шесть, дед Василий уже три раза приходил, торопит.

— Иди.

Он пошёл к калитке своей тяжёлой, чуть заваливающейся на левую ногу походкой. У калитки обернулся.

— Завтра приду.

— Приходи, — сказала Ольга.

Она смотрела ему в спину, пока он не свернул в переулок. А потом сидела ещё, слушая, как деревня засыпает: где-то хлопнула дверь, где-то брякнула цепь, петух в последний раз хрипло объявил отбой. Дом за спиной молчал. Тихо молчал, по-домашнему.

В ту ночь Ольга спала крепко, без снов. Впервые за всю зиму — так, как спят дома.

Глава 2. Милка

Утро выдалось сырым. С низины напoлз туман, висел ключьями на яблонях, лежал в канавах, как невыстиранное бельё. Ольга затопила печь — бросила три берёзовых полена, чтобы выгнать промозглую сырость из углов, и дом задышал теплом, затрещал, ожил.

Дневник деда лежал на краю стола. Толстая тетрадь в дерматиновой обложке, с углами, стёртыми до серого картона. Ольга налила чай, села и открыла его с самого начала — на странице, с которой всё началось.

Почерк деда был тяжёлый, с нажимом. Карандаш местами рвал бумагу.

«Моя дорогая внучка. Если ты читаешь эти строки — меня уже нет, и тебе пришлось столкнуться с этим злом самой. Я сделал всё, что мог, дал тебе время повзрослеть. Знай: ты не одна. Я здесь, в каждой строке. Что бы ни случилось — я рядом. Не бойся. Я боялся. Каждый раз. И каждый раз — делал. Потому что надо. Потому что вы есть. Все вы, которые после меня. И ради которых — всё.»

В окно тихо стукнули.

Ольга вздрогнула, захлопнула тетрадь, словно её застигли за чужим письмом. За стеклом стояла баба Люба, заглядывала внутрь, приложив ладонь ребром ко лбу.

— Чего сидишь впотьмах? — спросила старуха, когда Ольга вышла на крыльцо.

— Читаю.

— Начитаешь там... Пойдём ко мне. Дело есть.

— Какое дело?

— Пошли. Покажу. Это надо видеть.

Во дворе у бабы Любы пахло козым загоном и свежим сеном. В хлеву было темно, сквозь щели сочился туман. Старая коза жевала сухое сено, а под её боком копошился один крупный, крепкий козлёнок. Второй лежал в углу, в ящике из-под картошки, на старом ватнике.

Баба Люба ткнула узловатым пальцем в ящик.

— Вот. Трое суток к себе не подпускает, а у меня времени нет — сдохнет ведь. А ты одна, тебе сподручнее. Выходишь

— и молоко потом своё будет.

Ольга наклонилась. В ящике лежало серое существо. Маленькое, с ушами-лопухами и тонкими, дрожащими ногами. Дышало часто-часто, бока ходили ходуном, как меха у кузнеца. Козочка шевельнулась, потянулась мокрым носом к Ольгиным пальцам, лизнула шершавым тёплым языком.

— Забирай, — сказала баба Люба в спину. — У тебя пусто. Пусть живая душа в избе дышит. Коза в избе — беде заслон.

Ольга не знала, заслон ли коза от беды. Но живая душа в пустом доме — уже половина заслона.

— Выхожу ли?

— Выходишь. Соску дам, бутылку из-под кефира дам. Молоко у меня брать будешь. Попролам с кипятком разводи, пока брюхо не оправится.

Ольга подняла козлёнка. Тот был лёгкий, почти невесомый. Ткнулся мордой ей под мышку, затих.

— Как звать будешь? — спросила баба Люба.

— Милка.

— Ступай.

Дома Ольга настелила в углу за печкой свежей соломы, положила Милку. Развела молоко, натянула соску на узкое горлышко кефирной бутылки. Козочка сначала крутила мордой, брызгала каплями, потом присосалась — жадно, со всхлипами, толкая бутылку лбом, как толкают мать. Ольга сидела на корточках и держала бутылку обеими руками. Пальцы затекли, но она терпеливо ждала, пока козочка поест. В доме было тихо, и слышно было только, как козочка глотает.

— Живи давай, — сказала она.

Баюн подошёл, сел на пороге. Посмотрел на Милку жёлтыми круглыми глазами. Дёрнул усом. Подошёл ближе, обнюхал серое ухо. Козочка, не открывая глаз, слабо боднула его в грудь. Кот фыркнул — коротко, с достоинством, и отошёл к печи, лёг, положив подбородок на лапы. И уснул.

Вечером пришёл Иван. Увидел Милку, присел на корточки, долго смотрел, как козочка тычется носом в Ольгину ладонь.

— Что это за чудо такое?

— От бабы Любы, — сказала Ольга. — Коза её отбила. Буду выхаживать.

Иван посмотрел на козочку. Посмотрел на Ольгу. Посмотрел на солому, на бутылку.

— Выживет, — сказал он.

— Конечно выживет, — сказала Ольга. — Уже кушать начала. Сначала и соску не брала, а теперь бутылку у меня отбирает, как родную.

Иван усмехнулся.

— Значит, боевая. Вся в хозяйку.

— Это в кого же?

— В ту, которая в январе одна пошла к Чёрной Ели, — сказал Иван. — И вернулась.

Ольга отвела глаза. Погладила Милку между ушей.

— Звать-то как будешь? — спросил Иван.

— Милка.

Иван повертел слово на языке.

— Это значит — милая?

— Ну... да.

— А тут и не поспоришь, — сказал Иван. — Милая. Даже очень.

Он сказал это глядя на козочку. Но посмотрел при этом на Ольгу — коротко, сбоку. Ольга отвернулась, пряча улыбку.

Они посидели немного. Иван рассказывал про трактор, про деда Василия, который торопит пахать, про то, как у Петровых мотоцикл заглох посреди улицы и Петров толкал его до самого дома, а дети ехали сверху и визжали от восторга. Ольга слушала, подкладывала Милке соломы, и дом вокруг них стоял тихий, тёплый, и было в этом что-то правильное, чего Ольга не умела назвать.

— Пойду, — сказал Иван наконец. Поднялся, задел головой притолоку, чертыхнулся тихо.

— Приходи завтра, — сказала Ольга.

— Приду. Жерди принесу.

У калитки он обернулся.

— Спокойной ночи, Морозова.

— Спокойной ночи, Соколов.

Ольга стояла, пока его шаги не стихли в переулке.

На третью ночь Ольга проснулась от урчания. В углу за печкой Баюн лежал, свернувшись вокруг Милки, обвив её хвостом, как одеялом. Козочка спала, уткнувшись мордой в рыжий бок. Кот открыл один глаз, посмотрел на Ольгу и закрыл снова. С тех пор они спали вместе.

Дом за её спиной дышал тремя сердцами: её, кота и маленькой серой козочки, упрямо не желавшей умирать. После зимы, после мёртвых шагов на чердаке и чужих голосов под полом это было так много, что казалось почти неприличным.

Дневник Прохора. Год 1922. Межа

Если ты ходишь во сне — эта страница твоя. Не стыдись ходьбы: ходьба — не болезнь, это чутьё. Но почти, как я боялся, — и бойся тоже. Страх — хороший сторож.

Я очнулся у межи.

Босой. Мороз двенадцать. Луна низко, жёлтая, лес белый до последнего ствола. Одна нога — в снегу за межой, тело синее, зубы стучат. Как шёл — не помню. Ноги помнят, а я нет.

Мать была рядом. Она не кричала, не хватала меня: подошла сбоку, взяла за рукав и сказала тихо, правильно:

— Прохор. Домой.

Мир встал на место, и холод ударил разом, как в прорубь.

— Мать...

— Тихо. — Она развернула меня и повела к дому за плечо, как ведут слепого. — Криком будить нельзя: крик душу глубже загоняет, она и вовсе может выйти. Буди болью. Или

солёной водой. Или именем, сказанным тихо, но правильно.

Шли молча. За спиною оставались на снегу две цепочки следов: одна ровная, вторая — виляющая.

У порога мать остановилась.

— Оно ходит, — сказала она. — Или будет ходить. Проснёшься у межи — полбеда. Проснёшься за межей — не оборачивайся. Иди домой и не оборачивайся, что бы ни звало.

Три ночи после я не спал. Не потому, что ходил, — потому что боялся заснуть. Боялся, что во сне уйду за межу и меня никто не догонит. Мать спала у двери, на тулупе. Сторожила меня, как ребёнка. А я лежал и слушал её дыхание и впервые понял, что она носит всю жизнь. И испугался: когда её не станет — кто понесёт меня?

Пишу, чтобы тот, кто после меня, знал: это переживает-ся. Мать пережила. Я пережил. И ты переживёшь. Только не оборачивайся.

Глава 3. Гости

Марина приехала неожиданно. Четыре месяца Ольга не выходила на связь — связи и не было. Марина волновалась, что с подругой что-то случилось, — и приехала, как только смогла.

В пятницу к обеду по деревенской дороге тянулся белый пыльный хвост.

Машина была городская — кроссовер с блестящими бортами и столичными номерами, нелепый среди колеи и лопухов, как фламинго на птичьем дворе. Он остановился у калитки, пикнул сигнализацией, и из него вышла Марина: белые кроссовки, солнцезащитные очки на пол-лица, чемодан на колёсиках. Кроссовки стали серыми через три шага. Марина посмотрела на них, потом на Ольгу, и расхохоталась.

— Ну здравствуй, Морозова.

Они обнялись — крепко, до хруста. От Марины пахло городом: духами и бензином. Ольге на секунду показалось, что она сама пахнет теперь иначе — дымом, полыньёю, тёплым молоком.

— Дай я на тебя посмотрю, — Марина отстранила её, держа за плечи, и осмотрела, как осматривают вернувшегося с войны. — Ты похудела. Ты загорела. И у тебя седая прядь. Оль, тебе двадцать пять. Это мелирование или мне сразу вызывать экзорциста?

— Мелирование, — сказала Ольга.

— Врешь. — Марина наконец отпустила её плечи. — Как я тебя нашла, хочешь знать?

— Хочу.

— Название деревни ты мне ещё в январе сказала. Я доехала до райцентра, а там, у магазина, сидели бабки. Я им: мне нужна Сосновка, дом Морозовых. Они мне полчаса объясняли. Одна сказала: это который дом Марии, на краю, у леса. А вторая добавила: ты к ней не ходи, девка. Там нечисто.

— И ты, конечно, пошла.

— А что мне оставалось, — сказала Марина. — Мне же надо было узнать, что у вас тут нечисто. Ладно. Держи.

Она начала выгружать из машины пакеты.

— Капучино на миндальном молоке, в тетрапаке, как ты

любила. Я помню, кто тут без него дня не проживал. Вино — две бутылки. Сыр. И вот. — Она вытащила картонную коробку, перевязанную бечёвкой. — Лена передала. Твоя контора. Тебя, кстати, уволили официально, за прогулы. Петрович орал три дня, а потом затих. В коробке кружка, пропуск и какой-то цветок. Он, по-моему, уже умер.

Ольга взяла коробку. Посмотрела на неё. Внутри ничего не дрогнуло — ни жалости, ни злости, ни даже любопытства. Как будто ей вручили вещи человека, которого она смутно помнила по прошлой жизни.

— Спасибо, Марин.

— Пойдём в дом, — Марина подхватила чемодан. — Я умирала в этой машине шесть часов. У меня одна палочка связи ловилась где-то на холме, и та врал.

Дома Марина ходила по горнице медленно, как по музею, и трогала всё подряд. Дверной засов. Пучки трав под потолком. Рябиновые кресты на ставнях, примотанные красной нитью. Полосу соли у порога, которую заметила, только наступив в неё.

— Ой. Прости. Это у тебя что — дизайнерская соль?

— Не наступи ещё раз, — сказала Ольга ровным голосом.

Марина обернулась. Посмотрела на неё внимательно.

— Ты сейчас не шутила.

— Не шутила.

— Оля. — Марина сняла очки. Без них её лицо стало беззащитным и очень городским. — Я приехала за подругой, у которой нервный срыв. А попала, судя по всему, в фильм. Давай так: ты мне ничего пока не объясняешь. Но я вижу, что у тебя нож лежит на подоконнике. У тебя ножи на подоконниках, Оля. В Москве у тебя на подоконнике стоял фикус.

Милка выскочила навстречу и боднула чемодан, проверяя его на съедобность. Баюн сидел на диване и смотрел на гостью жёлтыми глазами, не мигая, — взвешивал. Марина посмотрела на кота. Кот посмотрел на Марину.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.